

ШАХ АББАС И РУССКАЯ СМУТА: ДИСКУССИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ О РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Андреев Артем Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
a.a.andreev@spbu.ru

Аннотация. Цель статьи – сопоставляя информацию из опубликованных источников конца XVI–начала XVII в. с устоявшимися концепциями в историографии российско-иранских отношений, проследить преемственность в развитии двусторонних связей в эпоху Смуты. В статье представлен обзор иранской историографии, с фокусом на расхождение позиций у основных представителей иранской исторической школы по вопросу о наличии или отсутствии разрыва в отношениях двух стран в период Смуты. В советской историографии преобладала точка зрения на прекращение двусторонних контактов из-за невозможности вести торговлю и отсутствия легитимной власти в Москве. Однако на основании частоты визитов представителей шаха Аббаса (пять посольств в саму Россию и две миссии проездом), а также сохранении пророссийского внешнеполитического курса шаха Аббаса (антиосманский союз, развитие альтернативного торгового пути для продажи шелка через Каспийское море в обход Османской империи) можно констатировать непрерывный характер отношений между двумя странами в этот период. С российской стороны, если абстрагироваться от политических вопросов легитимности правителей и наличия/отсутствия суверенитета, можно говорить о преемственности внешнеполитического курса в направлении Ирана от Бориса Годунова до Лжедмитрия I и Василия Шуйского и далее к Михаилу Федоровичу Романову.

Ключевые слова: шах Аббас, Борис Годунов, Смута, Лжедмитрий I, кармелиты, Иван Заруцкий, Кахетия, Роберт Ширли, Лжедмитрий II, Марина Мнишек.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

Автор выражает благодарность научному сотруднику Института истории СПбГУ С.Е. Костикову за помощь при подготовке статьи.

SHAH ABBAS AND RUSSIAN TIME OF TROUBLES: DISCUSSION IN HISTORIOGRAPHY ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

Andreev Artyom A.

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
a.a.andreev@spbu.ru

Abstract. The purpose of the paper is to consider development of Russo-Iranian relations in their chronological retrospective from the time of Boris Godunov to the first two years of the reign of Mikhail Fedorovich Romanov with the help of the published sources of the late 16th–early 17th centuries and the scientific literature, accumulated over the last two centuries. One of the main sources used in this work was the “Chronicles of the Carmelites”, published in English in the 1930s. The information presented in it, as it was in some degree observed earlier by other researchers, stands markedly in contrast with the information from the Russian sources. Equally, the appeal to the work of the court historiographer of Shah Abbas Iskander-beg Munshi, which was only partly translated into Russian, made it possible to compare its’ information on the Iranian politics in the Transcaucasia to the information in the Russian sources and scientific literature, as well as to take a fresh look at partially incorrect ideas about the situation of Kakhети in 1605–1608 in the existing Russian historiography. The authors conclude that the Russian-Iranian relations during the aforementioned period remained continuous, which is proven by constant delegations from Abbas to Russia and from the Russian rulers, alternating during the Times of Troubles, to Iran. That being said, the policy of the Iranian Shah towards Russia does not undergo changes in terms of content, while the Iranian direction of Russian foreign policy at the same time noticeably degrades in the midst of internecine war.

Keywords: Shah Abbas, Boris Godunov, Time of Troubles, False Dmitry I, Carmelites, Ivan Zarutsky, Kakhети, Robert Shirley, False Dmitry II, Marina Mnishek.

Цитирование: Андреев А.А. Шах Аббас и русская Смута: дискуссия в историографии о развитии российско-иранских отношений // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 156–173. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-156-173 / Andreev A.A. Shah Abbas and Russian Time of Troubles: Discussion in Historiography on the Development of Russian-Iranian Relations, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 156–173. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-156-173.

© Андреев А.А., 2021

Спустя четыреста с лишним лет исследовательский интерес к событиям эпохи Смуты не угасает. Отчасти такая ситуация связана с особенностями национально-государственного строительства в России, история которого насчитывает сразу несколько разрушительных «смут». Кроме того, следует учитывать и продолжающуюся полемику в историографии по ряду вопросов принципиального характера. Одним из таковых является вопрос суверенитета, его наличия или отсутствия в период Смутного времени. Современник тех событий Гуго Гроций (1583–1645) определял суверенитет как независимое от смены правителей и даже форм власти свойство государства. Но не всеми историками данное определение суверенитета поддерживается. Соответственно, возникает вопрос о внешнеполитической деятельности «не суверенного» государства: уместно ли учитывать его политическую активность или следует маргинализировать подобные примеры? Этот вопрос особенно интересно рассмотреть в контексте истории политических и экономических контактов России и Ирана в 1604–1612 гг.

ДИСКУССИЯ О ПЕРЕРЫВЕ В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Неблагоприятный поворот внешнеполитической ситуации на Кавказе (поход И. Бутурлина 1604–1605 гг.) совпал с внутренним российским кризисом, наступившим после смерти Бориса Годунова 13 апреля 1605 г. В отечественной историографии нет единой точки зрения на состояние отношений между Ираном и Россией в Смутное время. Н.Г. Куканова и П.П. Бушев считали, что они были прерваны – и возобновлены только с приходом к власти династии Романовых [Куканова, 1977, с. 29; Бушев, 1976, с. 399].

П.П. Бушев, несмотря на то, что обозначает период с 1604–1612 гг. как разрыв отношений, посвящает ему 45 страниц отдельного раздела своей фундаментальной работы. При этом, отчасти смягчая категоричное его название [Бушев, 1976, с. 399], в итоге сообщает о «почти полном разрыве» [Бушев, 1976, с. 422], подразумевая таким образом сохранение внешнеполитических контактов, но крайне низкую их эффективность вследствие крестьянских восстаний, «развала и разрухи». Н.Г. Куканова более категорична в данном вопросе и ввиду, как она считала, прекращения торговых связей пишет о полном разрыве дипломатических отношений с их возобновлением при Михаиле Федоровиче [Куканова, 1977, с. 28–29].

Отсутствие разрыва в отношениях, сохранение внешнеполитической линии шаха Аббаса в отношении России, ее антиосманской направленности впервые в историографии было обозначено в работе Т.К. Кораева [Кораев, 2015, с. 182]. Можно согласиться с данной точкой зрения, дополнив ее утверждением, что и для России в эпоху Смуты иранское направление внешней политики не теряет актуальности. При этом в историографии указывалось обратное. Так, по мнению грузинского историка Т.Г. Тивадзе, российско-иранские отношения приобрели в период Смуты

односторонний характер, так как посольства направлялись только шахом Аббасом [Тивадзе, 1966, с. 11].

Позиция ряда иранских историков схожа с мнением Т.Г. Тивадзе. Перед тем как подробно рассмотреть их аргументацию, необходимо хотя бы кратко обозначить процесс становления и основные тенденции развития исторической школы Персии/Ирана¹. В ходе недавних исследований было выдвинуто предположение, что ее основателем был Сеййед Мохаммад 'Али Джамальзаде (1892–1997) [Андреев, Писчурникова, Костиков, 2020, с. 87]. Находясь вследствие своих политических убеждений в вынужденной эмиграции в Германии, он выпускал журнал «Каве», на страницах которого с 1918 по 1921 г. «пером» боролся с английским и российским «колониализмом» и с шахской династией Каджаров.

Ему были доступны опубликованные ранее Н.И. Веселовским (1848–1918) три тома «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». На них главным образом Сеййед Мохаммад 'Али Джамальзаде и ссылался, обращаясь к периоду отношений между двумя странами. Уровень российской бюрократии, имевший место в то время, и объем документального наследия вызывал у него неподдельное восхищение: «В России вся информация о визитах посольств тщательным образом фиксировалась и записывалась, а потом была издана отдельной книгой, и в этой традиции, несомненно, чувствовалось влияние Византии» [Djamāl Zāda, 1384, §. 130].

Его последователем (который, впрочем, не часто ссылался на своего предшественника) был Наджаф Коли Мирза Хесам ад-Доуле Мо'эззи (1886–1980), личность также выдающаяся. Мо'эззи получил европейское образование, долгое время работал в министерстве финансов при династии Каджаров, был депутатом Меджлиса третьего созыва, где возглавлял суннитский комитет. Большую часть жизни он был чиновником, и историческая наука была для него своего рода хобби. Тем не менее монографии Мо'эззи по истории Англии, США и России являются фундаментом для современной иранской историографии. В работе, посвященной дипломатическим отношениям Ирана «со странами мира» [Mu'izzī, 1324], он часто повторяет тезисы Джамальзаде, далеко не всегда ссылаясь на первоисточник.

Аналогичным образом, в комплиментарной форме, Мо'эззи писал о высоком уровне документооборота в России в конце XVI–начале XVII в.: «Документация, имеющая отношение к деятельности посольских миссий, фиксировалась весьма подробно и аккуратно, и в этом можно усмотреть благотворное влияние греческой культуры, пришедшей на Русь из Византии» [Mu'izzī, 1324, §. 262]. Действительно, в основных иранских архивохранилищах (Национальной библиотеке Исламской республики Иран и Библиотеке Меджлиса) исторические свидетельства XVI–XVII вв. представлены небольшими коллекциями разрозненных документов. Это

¹ Формировалась она в период до 1935 г., когда официально указом Реза шаха Пехлеви было принято название Иран.

обстоятельство вынуждало иранских историков обращать повышенное внимание на публикации российских и европейских источников эпохи Сефевидов. Данные публикации дополнялись сведениями из сочинений придворных историографов шаха Аббаса, и прежде всего «Тарих-и алем арай-и'Аббаси» («История украшателя мира Аббаса») Искандер-бека Мунши (1560/61–1633/34).

П.П. Бушев в своих работах довольно часто подвергает тезисы Мо'эззи объективной критике. Но ирония в том, что критические замечания должны были бы быть адресованы в первую очередь Джамальзаде (тезисы которого активно заимствуются Мо'эззи), со статьями которого Бушев, видимо, не был знаком.

Одним из наиболее выдающихся иранских историков является Насроллах Фальсафи (1901–1981), которому принадлежит лучшая биография шаха Аббаса. В течение своей жизни Фальсафи сменил несколько профессий: он был журналистом, юристом и профессором истории и географии в Тегеранском университете (эту должность он получил в 1936 г.). Два года он преподавал историю персидской литературы в Страсбургском университете.

Фальсафи планировал опубликовать восемь томов жизнеописания шаха Аббаса. В итоге на основании очень широкого круга источников (западноевропейских, персидских и османских) вышло в свет пять томов, которые и сейчас не теряют своего значения классического и фундаментального исследования.

Завершает историческую школу один из самых популярных и публикуемых иранских историков Абдольхосейн Наваи (1923–2004). В одной из его работ, где рассматриваются российско-иранские отношения [Navā'i, 1364], много тезисов, заимствованных у Мо'эззи (а по сути – у Джамальзаде). Вероятно, этим объясняются также отсылки при обозначении фактуры в его работах к французским историкам начала XX в. – при полном отсутствии внимания ко многим российским и советским историкам.

Возвращаясь к проблеме разрыва в двусторонних отношениях, следует сразу обозначить, что в иранской историографии на этот счет существует консенсус большинства исследователей. Джамальзаде считал, что они прервались, исключительно с российской стороны, на короткий период 1610–1613 гг., после свержения В. Шуйского [Djamāl Zāda, 1384, §. 145]. Вполне вероятно, к подобному мнению он пришел, ориентируясь на отсутствие во втором томе «памятников» Н.И. Веселовского источников с информацией о переговорах монахов кармелитов с Лжедмитрием I (иранский историк даже писал, что он мог быть и «истинным» и «ложным») и посольстве от нелегитимной Марии Мнишек к шаху Аббасу.

Основным аргументом в пользу того, что российско-иранские отношения были прекращены, является факт захвата Москвы поляками и, как подразумевается, потеря суверенитета [Djamāl Zāda, 1384, §. 145]. По той же логике строит свою аргументацию и Мо'эззи: «власть перешла к полякам, и внутренняя смута, царившая на Руси, не оставила возможности укреплять международные отношения. Тем не менее, шах отправлял послов к русскому двору» [Mu'izzī, 1324, §. 262].

Джамальзаде и в особенности Мо'эззи делают акцент на количестве грамот, направленных от шаха Аббаса в Москву. Их было пять, и все они были опубликованы Н.И. Веселовским [Памятники дипломатических и торговых сношений, 1890, с. 253–255]. Апеллируя к ним, оба автора стремятся подчеркнуть, что отношения между двумя странами приобрели односторонний характер.

Несколько иной точки зрения придерживаются иранские историки второй половины XX в., как, например, Амир Хусейн Баразеш [Barāziš, 1392, §. 510]. Баразеш посвятил истории отношений Ирана и России шесть глав своего монографического исследования «Политико-дипломатические отношения Ирана с миром в эпоху Сефевидов» [Barāziš, 1392], впервые опубликованного в 1972 г. Баразеш категорично указывает на полное отсутствие дипломатических отношений между Ираном и Россией с 1610 по 1613 г. (ввиду потери Россией суверенитета при захвате поляками Москвы) [Barāziš, 1392. §. 514]. Отметим, что некоторые утверждения историка носят совершенно фантастический характер. Как например, о благополучном достижении Исфахана посольством И.П. Ромодановского и его возвращении в Москву [Barāziš, 1392, §. 514].

Перерыв в отношениях, обусловленный неспособностью российского государства после смерти Бориса Годунова выполнять ранее достигнутые с шахом Аббасом договоренности, признается и современными иранскими историками [Sefat Gol M., Taghiabad S.M.H., 2020, p. 91–116].

Единственным среди иранских исследователей, кто не обозначал разрыва в отношениях, а лишь подтверждал их «ослабление», был Н. Фальсафи. В его представлении каждый из правителей был легитимен, и потому для него Василий Шуйский, Михаил Федорович, Лжедмитрий I и Лжедмитрий II и даже Марина Мнишек были равнозначными акторами государственных отношений. Вследствие этого отношения Российского царства и державы Кызылбашей не прерывались, а оказались ослаблены ввиду гражданской войны [Falsafi, 1391, §. 1082].

Все упомянутые авторы, ссылаясь на «Памятники» Н.И. Веселовского, указывают на предложение шаха Аббаса отдать отвоеванную у османов Шемаху российскому государю. При этом никто, за редким исключением¹, не ставит столь странное предложение передачи одной из богатейших областей державы Сефевидов под сомнение.

Имеет ли значение сама постановка вопроса о разрыве или сохранении отношений между Ираном и Россией в период Смуты? На наш взгляд, более важным, скорее, является вопрос о сохранении преемственности иранского вектора в российской внешней политике начала XVII в.

¹ Профессор Тегеранского университета Мансур Сефатгол в частной беседе отметил, что сейчас эти «предложения» о передаче Баку, Дербента и Шемахи вызывают большое сомнение.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РОССИИ И ИРАНА ПРИ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ И ЛЖЕДМИТРИИ I В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

По данному периоду каких-либо дискуссионных вопросов в российской и зарубежной историографии практически нет. Вместе с тем есть ряд уточняющих деталей, в том числе и благодаря недавно опубликованным источникам из польских архивов [Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persią Safawidow, 2017]. Далее мы рассмотрим, для определенного удобства их обозначения, часть внешнеполитического контекста, связанного со сменой власти в Москве.

Для «царевича Дмитрия» отношения с Ираном имели не более чем третьестепенное значение. Самозванец оказался вовлечен в них по стечению внешнеполитических обстоятельств. Папа Римский Климент VIII пытался содействовать антитурецкому союзу Священной Римской империи и державы Сефевидов. По образному выражению составителей сборника «Хроники кармелитов», понтифик надеялся на «ре-христианизацию Ирана» и изгнание османов из Европы [A Chronicle of the Carmelites, 1939, p. 89].

Вскоре после смерти Бориса Годунова, в апреле 1605 г., кармелиты смогли прибыть в Смоленск и к началу следующего года добраться до Москвы, где они и были представлены поляками Лжедмитрию I¹. Последний в марте 1606 г. предложил им на выбор отправиться в Иран вместе с шахским посланцем Зайн ал-Абидин-беком, возвращавшимся от австрийских Габсбургов, или выехать в Иран в составе российского посольства.

Многие авторы, ссылаясь на первую публикацию «Хроник кармелитов» 1886 г., сообщают о том, что Лжедмитрий передал с кармелитами послание к шаху и от себя [Тюменцев, 2000, с. 419; Ульяновский, 2017, с. 54]. В английской версии «Хроник кармелитов» о передаче такого послания нет никакой информации. Прибыв в Баку осенью 1607 г., кармелиты написали шаху Аббасу письмо о своем приезде, в котором сообщалось, что они везут с собой письма от короля Рудольфа, короля Сигизмунда и других христианских правителей. О письмах от Лжедмитрия не упоминалось [A Chronicle of the Carmelites, 1939, p. 113].

Иранские историки, в целом, больше внимания уделяют письмам от шаха Аббаса I, нежели грамотам к нему от российских правителей. И главным источником информации для них являются уже упомянутые «памятники» Н.И. Веселовского.

По всей видимости, никакого послания через кармелитов Лжедмитрий не передавал [Blow, 2009, p. 86]. Этот миф был создан П.О. Пирлингом в начале XX в. [Пирлинг, 1911, с. 279]. На наш взгляд, у Лжедмитрия не было необходимости отправлять дополнительную грамоту, так как весной 1606 г. он снаряжал к шаху отдельное

¹ Посланники папы Римского предпочитали придерживаться существовавшей легенды и называли его царевичем Дмитрием.

посольство князя И.П. Ромодановского. При этом новый российский правитель оказался столь же ярким сторонником антитурецкой коалиции, как и шах.

Д.В. Лисейцев приводит цитату из наказа, данного Лжедмитрием князю И.П. Ромодановскому: «Вперед великий государь ... турскому за его неправды, а шевкалу за его измену терпети не учнет, пошлет на них многую рать свою и велит кумыцких людей до основания разорити и города во всех украинских местех поставити» [Лисейцев, 2002, с. 171].

Самозванец продолжал антитурецкий курс Бориса Годунова, с той лишь разницей, что удар по османам планировалось нанести не только на Северном Кавказе, но и в направлении Азова и Крыма¹. Через несколько дней после выезда И.П. Ромодановского к Волге Лжедмитрий был убит.

Лжедмитрий I, судя по всему, воспринимал Иран как ситуативного союзника в борьбе с главным противником — Османской империей. Поскольку внешнеполитическая конъюнктура тогда менялась крайне быстро, мы можем описать ее только на протяжении конкретного периода. В феврале–марте 1606 г. в регионе сложилась следующая расстановка сил. Аббас вел успешную кампанию в Закавказье и готовился к штурму Шемахи. В Дербенте и в Баку начались антитурецкие восстания, что было крайне выгодно шаху. Австрийские Габсбурги из-за внутренних антикатолических волнений не смогли продолжить войну с Портой и склонялись к заключению мира. Для польского короля Сигизмунда III набеги вассальных Порте татар были меньшей проблемой, чем разногласия с австрийскими Габсбургами, и он не поддерживал идеи совместного выступления против Порты [Ульяновский, 2017, с. 47]. В равной степени и еще один «вечный» противник османов — Республика Святого Марка — не считала возможным действовать совместно со Священной Римской империей.

В подобных условиях шаху Аббасу приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы, а его план широкой коалиции и совместных военных действий так и не был реализован. Тем не менее, шах Аббас не переставал отправлять посольства в европейские страны, стремясь заручиться их поддержкой, рассчитывая, вероятно, на смену внешнеполитической конъюнктуры.

Что касается его посольств к Лжедмитрию I, то до сих пор нет ясного представления о времени приезда персидских послов, сроках пребывания, статусе и, тем более, линии переговоров. Д.В. Лисейцев, ссылаясь на «отписку из Ыванягорода о кизылбашских посланниках...», предположил, что первыми были Джанжей хан и Ужбасы Санбек, прибывшие в Выборг, по его расчетам, в конце 1605–1606 гг. [Лисейцев, 2002, с. 171]. В том же 1605 г. (по версии Д.В. Лисейцева) или в конце 1604 г. (по версии П.П. Бушева [Бушев, 1978, с. 422]) шах Аббас посылал через

¹ Подробней о планах войны Лжедмитрия I войны с османами на нескольких фронтах изложено в статье В.И. Ульяновского [Ульяновский, 2017].

Россию послов Рухолла-бека к польскому королю [Малето, 2010] и Али Кули-бека¹ к императору Священной Римской империи. Грамота, которую они доставили, была адресована Борису Годунову, поэтому мы опустим детали ее содержания. По версии Е.И. Малето, русскую смуту им пришлось пережить в Нижнем Новгороде [Малето, 2010].

Непосредственно к Лжедмитрию был направлен только один посол – Сеид Азим, везший с собой грамоту к «Великому хрестьянскому государю Дмитрию Ивановичу». В ней Аббас вновь подтверждал, что ведет войну с османами, и призывал его поддержать, «чтоб нам заодин Турецкую землю взять». Сам посол, по предположению П.П. Бушева, был отправлен во второй половине 1606 г. [Бушев, 1976, с. 428]. Вместе с ним в знак доброй воли были присланы пленные времен похода И.М. Бутурлина. Шах также просил разрешить послу купить необходимые товары и в том ему не препятствовать.

Весной 1607 г. система дипломатических взаимоотношений к западу и востоку от османов претерпела изменения. Из главных ее составляющих можно обозначить следующие. 11 ноября 1606 г. австрийские Габсбурги заключили с Портой Житваторокский мир, который в течение 20 лет практически не нарушался обеими сторонами. Шах Аббас в 1607 г. взял Шемаху и таким образом отвоевал Ширван.

Один из немногих источников по истории подготовки посольства И.П. Ромодановского при Василии Шуйском – это пять отрывков из наказа Посольского приказа [Бушев, 1976, с. 411]. В них сообщалось о смене власти в Москве и о том, что новая власть невиновна в грабежах иранских купцов, совершенных восставшими в Астрахани. Говорилось также о том, что в Астрахани восстановлена власть царя и что послов от шаха велено пропускать к Москве и обеспечивать всем необходимым. В наказе обозначались интересы России на Северном Кавказе.

По П.П. Бушеву, в тексте наказа И.П. Ромодановскому содержится та же формулировка о готовящемся походе на шамхальство, что и в ранней его версии, составленной при Лжедмитрии². Посольство, как совершенно верно отметил историк, должно было главным образом выразить недовольство Москвы действиями шаха Аббаса в Кахетии, которую, судя по тексту наказа, до сих пор считали находящейся под покровительством России. Данное «нелюбие», которое, по словам неизвестного составителя документа, «показал» шах Аббас, заключалось в следующем. Кахетия со времени правления шаха Тахмаспа находилась в вассальной зависимости от державы Сефевидов [History of Shah 'Abbas the Great, 1930, p. 838]. В период османских завоеваний в Закавказье в 1570–1580-х гг. правитель Кахетии Александр II пытался или сменить сюзерена, или лавировать между султаном и шахом.

¹ П.П. Бушев, ссылаясь на иранского историка Н. Фальсафи, называет его Мехди Кули-беком [Бушев, 1976, с. 423].

² При этом П.П. Бушев не упоминает о том, что при В.И. Шуйском И.П. Ромодановский отправлялся в Иран во второй раз.

Когда в ответ на его действия шах Мохаммад Ходабанде направил войска в Кахетию, Александр II вновь признал себя шахским вассалом и прислал своего сына Константина (Кюстандил) в заложники. Константин, как сообщает иранский историк Мунши, вырос среди кызылбашей [History of Shah `Abbas the Great, 1930, p. 838].

Одним из спорных моментов в данном аспекте в историографии является внешне-политическая ориентация кахетинских правителей – Александра II (1574–1605) и Теймураза I (1606–1648). По словам историографа шаха Аббаса Мунши, Кюстандил Мирза (Константин) пытался воздействовать на своих отца и брата, поскольку они медлили с отправкой своих людей на помощь шаху, осаждавшему Шемаху. В процессе спора он сначала убил брата, а затем со своими эмирами из кызылбашей убил отца и взял власть в Кахетии [History of Shah `Abbas the Great, 1930, p. 870]. Но уже в октябре 1605 г. Константин был убит в ходе очередной кахетинской междоусобицы. Правителем Кахетии стал Теймураз I, также признавший зависимость от шаха Аббаса и долгое время бывший у него в заложниках. Сам он некоторое время являлся компромиссной фигурой, поскольку первоначально был лоялен шаху Аббасу и в то же время был легитимным правителем для грузинской элиты [Парижская хроника, 1991, с. 44].

П.П. Бушев свою точку зрения относительно наличия пророссийских настроений у Александра II строил на основании документов Посольского приказа. В наказе данному И.П. Ромодановскому подчеркивалась вассальная зависимость (подтверждаемая документально) царя Кахетии от российского государя, как по его желанию, так и по праву «фактического» присутствия военной силы [Бушев, 1976, с. 430].

Иранские историки, как начала XX в., так и современные, ввиду отсутствия источников не заостряют внимания на столкновении интересов России и державы Кызылбашей на Кавказе в целом. Недоступность документов на русском языке отражается и в искажении ряда сведений. Например, в историографии есть упоминания о благополучном возвращении из Ирана И.П. Ромодановского [Barāziš, 1392. §. 514]. Можно констатировать наличие общего мнения, что посольство было отправлено исключительно «для поддержания дружественных отношений» [Djamāl Zāda, 1384, §. 145; Mu'izzī, 1324, §. 262; Falsafī, 1391. §. 1082]. Однако И.П. Ромодановский, отправленный с нотой недовольства к шаху Аббасу, как известно, не проехал дальше Саратова, где и погиб от рук повстанцев летом 1607 г.

Во второй половине 1607 г. от шаха Аббаса прибыл посол Мюгип-бек с известиями о взятии Шемахи. Доставленная им грамота была частично опубликована П.П. Бушевым [Бушев, 1976, с. 430]. В тексте грамоты сообщалось, что шах Аббас продолжит войну с османами, в том числе и на Северном Кавказе, и готов поступиться в интересах «дружбы» Шемахой, а также восстановить и передать русскому государю крепость у реки Койсу.

Вопрос относительно характера предложения шаха Аббаса I поднимался в российской, азербайджанской и иранской историографии. Как уже было отмечено выше,

за исключением М. Сефатгол ни один из иранских исследователей не усомнился в истинности такого рода предложений. С точки зрения П.П. Бушева, это была «политика обещаний», свойственная Сефевидам со времени шаха Худабенде [Бушев, 1976, с. 431]. «Юридическую безосновательность» подобных предложений подчеркивает в своей статье Ф.А. Гусейн [Гусейн, 2010, с. 121].

Здесь уместно будет упомянуть характеристику шаха Аббаса, данную итальянским путешественником Пьетро делла Валля. Шах сам мало придавал значение текстам посланий, как своих, так и от других правителей. На приемах он старался неформально расспросить посланника, но сами послания зачастую даже не распечатывались [Stosunki dawniej Rzeczypospolitej z Persią Safawidow, 2017, s. 75–76].

ШАХ АББАС И САМОЗВАНЦЫ (ЛЖЕДМИТРИЙ II, ИВАН ЗАРУЦКИЙ, МАРИНА МНИШЕК)

В феврале 1608 г. к царю Василию Шуйскому было отправлено посольство Амир Али-бека, но до Москвы посол не добрался и был ограблен по пути войсками Лжедмитрия II [Базиленко, 2011, с. 146]. Впоследствии посла разместили в Нижнем Новгороде, где он и дождался окончания Смуты. В это же время шах, по одной из версий, после переговоров с кармелитами, вдохновившись обещаниями папы Римского содействовать морской войне с османами, предпринимает еще одну попытку заручиться поддержкой христианских правителей (императора Священной Римской империи, короля Испании и др.) и отправляет послом в европейские страны англичанина Роберта Ширли (1581–1628), который до того верно служил шаху Аббасу на протяжении десяти лет.

Путь его лежал через охваченную Смутой Россию. По сведениям современника тех событий, наемника на русской службе Генри Бреретона, вместо того, чтобы вести переговоры в Москве с Василием Шуйским, посланник шаха встречался в Тушинском лагере под Москвой с Лжедмитрием II [Генри Бреретон, 2002]. Ему был оказан «такой прием, который только был возможен в те беспокойные времена в лагере, находившимся на военном положении» [Генри Бреретон, 2002].

Роберт Ширли, действуя по инструкции шаха Аббаса, просил самозванца о помощи в совместной борьбе христианских государей против общего врага – османов. По сведениям кармелитов, он передал подарки от шаха – шатер и ковры. В ответ же Лжедмитрий II вручил ему меховую накидку и лошадей в дорогу [A Chronicle of the Carmelites, 1939, p. 145].

Не дождавшись возвращения послов из России, шах Аббас решил в 1611 г. отправить в Москву еще одного посланника – монаха-кармелита Хуана Тадео [Магилина, 2007, с. 164]. Ему поручалось посетить царя Московии, короля Польши и Папу Римского с предложением создать торговый путь через их страны для продажи шелка и ковров в обход османских земель [A Chronicle of the Carmelites, 1939, p. 194].

Версия о том, что это было не предложение военно-политического союза, а экономический проект альтернативного торгового пути для продажи шелка через земли России и Речи Посполитой, разделяется и польскими историками [Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persią Safawidow, 2017, s. 77].

Иранский историк Н. Фальсафи на основании данных из «Хроник кармелитов» в своей работе раскрывает содержание послания к русскому царю. В нем, по его словам, говорилось о победах шаха над турками и устранении препятствий к торговле между Ираном и Россией [Falsafi, 1391, s. 1083].

История посольства Хуана Тадео достаточно подробно представлена в работах И.В. Магилиной [Магилина, 2007; Магилина, 2018], поэтому следует лишь коротко очертить приключения посланника шаха. Путь его пролегал через Кахетию, где он также должен был выполнить поручения Аббаса. Летом 1611 г. посольство прибыло в Астрахань, где его задержал воевода И.Д. Хворостинин. Освобожден посол был отрядом Ивана Заруцкого, который занял город, отступая под нажимом войск, верных Михаилу Федоровичу. Спасением своим он был обязан не И. Заруцкому, а сопровождавшей его Марине Мнишек – вдове обоих Лжедмитриев.

В «Хрониках кармелитов» сообщается также о дипломатическом скандале, связанном с неправомерным задержанием шахского и одновременно папского легата. Армянский купец Лука, ехавший, вероятно, с посольством, сумел сбежать из Астрахани и сообщить шаху о произошедшем. В ответ на это, по сведениям «Хроник», шах Аббас написал воеводе, что если Хуана Тадео не освободят, то он сам придет с армией и освободит его [A Chronicle of the Carmelites, 1939, p. 197]. Этот фирман-ультиматум, к сожалению, до нашего времени не дошел.

Именно освобожденный Хуан Тадео, как верно было замечено И.В. Магилиной, предложил Марине Мнишек вступить в переговоры с шахом. Содержание этих переговоров дошло до нас в показаниях иранского купца Ходжи Муртазы и показаниях самого посланника от астраханских уже самозванцев – Ивана Хохлова. История его посольства впервые была достаточно подробно описана Н.И. Веселовским [Веселовский, 1891]. Г. Синюхаев нашел в русских летописях дополнительные сведения о попытке И. Заруцкого получить поддержку у шаха [Синюхаев, 1903, с. 155–161]. При этом он почему-то ошибочно называет шаха Аббаса Вторым. Позднее историю отношений М. Мнишек и шаха Аббаса в публицистической манере описал в своей статье П. Юдин [Юдин, 1914].

Абстрагируясь от чрезмерного внимания исследователей к сомнительным деталям «особого» интереса шаха к вдове Лжедмитрия (де-юре одного, де-факто двух), попытаемся определить, исходя из немногих вышеуказанных источников, была ли оказана Ивану Заруцкому помощь и каковы были версии относительно мотивов ее оказания в историографии. По версии Г. Синюхаева, перебежавшие на сторону Михаила Федоровича казаки в показаниях своих сообщили, что сам Заруцкий хотел «идти в Кызылбаш», тогда как Марина Мнишек собиралась в Литву [Синюхаев, 1903, с. 155].

И.В. Магилина, основываясь на данных из «Хроник кармелитов» и статейного списка посла М. Барятинского, доказывает, что помощь в Астрахань из Ирана приходила неоднократно, но адресована она была не И. Заруцкому, а Марине Мнишек [Магилина, 2007, с. 164–169]. Ей был прислан подарок – судно с товарами, выручка от продажи которых позволила содержать в течение полугода вооруженный отряд в 600 человек [Магилина, 2007, с. 164–169].

Н. Фальсафи не подтверждает факта оказания помощи, но указывает на просьбы М. Мнишек к персидской стороне поддержать войсками в борьбе с Михаилом Федоровичем и его сторонниками, восставшими против польского короля [Falsafi, 1391, §. 1086]. По версии современного иранского историка А. Наваи [Navā'i, 1364, §. 356], у шаха Аббаса были серьезные виды на Астрахань, равно как и на Северный Кавказ, и Крым. Опасаясь активных действий шаха, Михаил Федорович, по мнению А. Наваи, отправил посла М.Н. Тиханова, как для выражения дружбы, так и для сбора сведений об истинных намерениях правителя Ирана.

Наиболее близкой к истине представляется версия Н.И. Веселовского, основанная на показаниях И. Хохлова и Ходжи Муртазы. Согласно ей, шах Аббас в последний момент отменил посылку помощи, в которую входили «денежные казны двенадцать тысяч тюменей, а тюмень по шти рублев, и хлебные запасы многие» и, по сведениям терского воеводы, «отборное войско, численностью в 500 человек». Причиной отмены послужил приезд к шаху Ходжи Муртазы, отставшего ранее от основного посольства [Веселовский, 1891, с. 7]. Ходжа Муртаза сообщил шаху последние новости из России.

В итоге при дворе шаха Аббаса в 1613–1614 гг. присутствовали два российских посольства: одно от Михаила Федоровича – во главе с М.Н. Тихановым и А. Бухаровым, другое от М. Мнишек – во главе с И. Хохловым и Я. Gladковым. Шах Аббас признавал обе делегации.

В течение 1605–1613 гг. ирано-российские отношения как таковые не прерывались. Во многом дискуссионность вопроса об их континуитете кроется, прежде всего, в понимании термина «двусторонних отношений» применительно к эпохе премодерна. Большинство авторов все же придерживается точки зрения скорее о снижении их интенсивности, нежели о полном разрыве дипломатических связей. Шах Аббас действительно по-прежнему отправлял миссию за миссией и декларировал приверженность к антиосманскому курсу на Кавказе. В дальнейшем он будет строить планы в отношении территорий России и Польши как транзита для продажи шелка в обход Османской империи.

С российской стороны внешнеполитический интерес не был столь однозначен, но сами отношения с Ираном продолжались, причем в порядке преемственности. У Лжедмитрия I (к слову, как и у Аббаса I) существовали утопические идеи по созданию широкого антиосманского союза. Василий Шуйский унаследовал от Бориса

Годунова курс на сближение с Кахетией и реализацию интересов России на Кавказе. При поздних самозванцах дипломатические контакты стремительно деградировали до попыток поднять авторитет за счет самого факта приезда иранского посла и желания «заложить» Астрахань в обмен за финансовую и военную помощь.

Характеризуя в завершение иранскую историографию российско-иранских отношений периода Смуты, можно констатировать ее определенные недостатки, такие как ограниченность в источниках, фокус на устаревших концепциях историков начала XX в. и, как следствие, избыток фактографических ошибок и поверхностных обобщений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.А., Писчурникова Е.П., Костиков С.Е. Несостоявшийся союз: российско-иранские отношения накануне смутного времени в иранской и российской историографии // *Новое Прошлое / The New Past*. 2020. № 3. С. 84–100.

Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран: по страницам истории отношений // *Христианское чтение*. 2011. № 2(37). С. 139–185.

Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России: пер. с англ. Сост. Г.М. Коваленко. СПб.: Европейский дом. 138 с.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 478 с.

Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и в Бухару). СПб.: Типография В.С. Балашова, 1891. 27 с.

Гусейн Ф.А. К вопросу об обещании шаха Аббаса I уступить Московскому государству Баку, Дербент и Шемаху // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 113–124.

Кораев Т.К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI–XVII вв.: Соседство, соперничество, сосуществование // *Исторический вестник*. 2015. № 11(158). С. 154–199.

Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII–первой половине XIX в. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. 288 с.

Лисейцев Д.В. Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 169–177.

Магилина И.В. Дипломатическая миссия монахов-кармелитов в Московском государстве в эпоху Смуты начала XVII в. // *Вестник ВолГУ. Серия 4*. 2007. Вып. 12. С. 164–169.

Магилина И.В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604–1612 гг. М.: Центрополиграф, 2018. 463 с.

Малето Е. Ходили за море // *История*. 2010. № 2. URL: <https://his.1sept.ru/article.php?ID=201000205> (дата обращения – 04 апреля 2021 г.).

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1: Царствование Федора Иоанновича. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. 455 с.

Парижская хроника. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 127 с.

Пирлинг П.О. Дмитрий Самозванец. М.: Сфинкс, 1911. 512 с.

Синеюхаев Г. Марина Мнишек и шах Аббас // *Русская старина*. 1903. № 4. С. 155–161.

Тивадзе Т.Г. Иранский вопрос во внешней политике Московского государства в конце XVI и начале XVII вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси: б. и., 1966. 15 с.

Тюменцев И.О., Свиридонова В.П. Описание путешествия монахов по Волге в 1606–1607 годах (главы из «Хроники кармелитов») // *Стрежень. Научный ежегодник*. Волгоград: Издатель, 2000. С. 390–422.

Ульяновский В.И. «Турецкий гамбит» Лжедмитрия I: Проект Священной войны // *Проблемы славяноведения*. Брянск: Изд-во БГУ, 2017. С. 31–62.

Юдин П. Посольство Марины к шаху Аббасу // *Русская старина*. 1914. № 12. С. 626–632.

A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVIIth and XVIIIth centuries. Vol. 1. London: Eyre and Spottiswoode, 1939. 814 p.

Blow D. Shah Abbas. The Ruthless King Who Became an Iranian Legend. London: I.B. Tauris, 2009. 256 p.

History of Shah `Abbas the Great (Tārīk-e `Ālamārā-ye `Abbāsī) by Eskandar Beg Matthee R. Gouvea, Antonio De. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gouvea-antonio-de> (дата обращения – 04 апреля 2021 г.).

Sefat Gol M., Taghiabad S.M.H. From Attempts to Form a Coalition to Worsened Relations: Transformation in Iran and Russia Relations in the Seventeenth Century // *Central Eurasia Studies*. 2020. Vol. 13. Issue 1. Pp. 91–116.

Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persją Safawidow I katolikosatem w Eczmiadzynie w swietle dokumentow archiwalnych. Warszawa: Wydawnictwo AGAD, 2017. 402 s.

Barāzīš A.Ḥ. Ravābiṭ-i siyāsī-dīplumātīk-i Īrān va djahān dar `ahd-i Ṣafaviya. Tihrān: Mu`assisa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr, 1392. 1296 ṣ.

Djamāl Zāda S.M.`A. Tārīkh-i ravābiṭ-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i `Alī Dihbāšī. Tihrān: Sukhan, 1384. 249 ṣ.

Falsafī N. Zindigānī-yi Šāh `Abbās-i avval. Djild-i duvvum. Tihrān: Mu`assisa-yi intišārāt-i Niḡāh, 1391. 722 ṣ.

Mu`izzī N.Ḥ. Tārīkh-i ravābiṭ-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḡavvulāt-i akhīr. Djild-i avval Tihrān: Čāpkhāna-yi `ilmī, 1324. 341 ṣ.

Navāṭ `A. Īrān va jahān az Muḡūl tā Ḳājārīya. Tihrān: Mu`assisa-yi našr-i Humā, 1364. 664 ṣ.

REFERENCES

- Andreyev A.A., Pischurnikova Ye.P., Kostikov S.Ye. Nesostoyavshiysya soyuz: rossiysko-iranskiye otnosheniya nakanune smutnogo vremeni v iranskoj i rossiyskoj istoriografii [Failed Union: Russian-Iranian Relations on the Eve of the Time of Troubles in Iranian and Russian historiography], in *Novoye Proshloye / The New Past*. 2020. No. 3. Pp. 84–100.
- Bazilenko I.V. Pravoslavnaja Rossija i shiitskij Iran: po stranicam istorii otnoshenij [Orthodox Russia and Shiite Iran: the pages of the history of relations] in *Hristianskoe chtenie*. 2011. No. 2(37). Pp. 139–185 (in Russian).
- Brereton G. *Izvestija o nyneshnih bedah Rossii* [News of the current troubles of Russia]. Transl. by G.M. Kovalenko. Saint-Petersburg: "Evropejskij dom". 138 p.
- Bushev P.P. *Istorija posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenij Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arhivam)* [The history of embassies and diplomatic relations between the Russian and Iranian states in 1586–1612 (according to Russian archives)]. Moscow: Nauka, 1976. 478 p. (in Russian).
- Veselovskij N.I. *Ivan Danilovich Hohlov (Russkij poslannik v Persiju i v Buharu)* [Ivan Danilovich Khokhlov (Russian envoy to Persia and Bukhara)]. Saint-Petersburg: Tipografija V.S. Balashova, 1891. 27 p. (in Russian).
- Gusejn F.A. K voprosu ob obeshhanii shaha Abbasa I ustupit' Moskovskomu gosudarstvu Baku, Derbent i Shemahu [On the question of the promise of Shah Abbas And to cede Baku, Derbent and Shemakha to the Moscow state], in *Voprosy istorii*. 2010. No. 9. Pp. 113–124 (in Russian).
- Koraev T.K. Moskovskaja Rus' i Safavidskij Iran v Prikaspii XVI–XVII vv.: Sosedstvo, sopernichestvo, sosushhestvovanie [Moscow Russia and Safavid Iran in the Caspian region of the 16–17 centuries: Neighborhood, rivalry, coexistence], in *Istoricheskij vestnik*. 2005. No. 11(158). Pp. 154–199 (in Russian).
- Kukanova N.G. *Ocherki po istorii rusško-iranskikh torgovyh otnoshenij v XVII – pervoj polovine XIX v.* [Essays on the History of Russian-Iranian Trade Relations in the 17th–First Half of the 19th Centuries]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 288 p. (in Russian).
- Lisejcev D.V. Russko-tureckie otnoshenija v nachale XVII veka: ot konfrontacii k sblizheniju [Russian-Turkish relations at the beginning of the XVII century: from confrontation to rapprochement], in *Otechestvennaja istorija*. 2002. No. 5. Pp. 169–177 (in Russian).
- Magilina I.V. Diplomatičeskaja missija monahov-karmelitov v moskovskom gosudarstve v jepohu smuty nachala XVII v. [The diplomatic mission of Carmelite monks in the Moscow state during the time of turmoil of the beginning of the 17th century], in *Vestnik VolGU*. Serija 4. 2007. No. 12. Pp. 164–169 (in Russian).
- Magilina I.V. *Posol'stvo monahov-karmelitov v Rossii. Smutnoe vremja glazami inostrancev. 1604–1612 gg.* [Embassy of Carmelite monks in Russia. Time of Troubles through the Eyes of Foreigners. 1604–1612]. Moscow: Centropoligraf, 2018. 463 p.

Maleto E. *Hodili za more* [Went overseas], in *Istorija* [History]. 2010. No. 2. Available at: <https://his.1sept.ru/article.php?ID=201000205> (accessed 04 April 2021).

Pamjatniki diplomatskikh i togovykh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej [Monuments of diplomatic and trade relations of Moscow Russia with Persia]. Ed. by N.I. Veselovskiy. Vol. 1: The reign of Fyodor Ivanovich. Saint-Petersburg: Tovarishhestvo parovoj skoropechatni Jablonskij i Perott, 1890. 455 p. (in Russian).

Parizhskaja hronika [Paris Chronicle]. Tbilisi: Mecniereba, 1991. 127 p. (in Russian).

Pirling P.O. *Dmitrij Samozvanec* [Dmitry the Imposter]. Moscow: Sfinks, 1911. 512 p. (in Russian).

Sinejuhaev G. Marina Mnishek i shah Abbas [Marina Mnishek and Shah Abbas], in *Russkaja starina* [Russian Antiquity]. 1903. No. 4. Pp. 155–161 (in Russian).

Tivadze T.G. *Iranskij vopros vo vneshnej politike Moskovskogo gosudarstva v konce XVI i nachale XVII vv* [The Iranian question in the foreign policy of the Moscow state at the end of the 16th and the beginning of the 17th centuries]. Avtoreferat dis. k.i.n. Tbilisi. 1966. 15 p. (in Russian).

Tjumencev I.O., Sviridonova V.P. *Opisanie puteshestvija monahov po Volge v 1606–1607 godah (glavy iz "Hroniki karmelitov")* [Description of the journey of the monks along the Volga in 1606–1607 (chapters from the "Chronicle of the Carmelites")], in *Strezhen'. Nauchnyj ezhegodnik*. Volgograd: Izdatel', 2000. Pp. 390–422 (in Russian).

Ul'janovskij V.I. "Turekij gambit" Lzhedmitrija I: Proekt Svjashhennoj vojny ["Turkish Gambit" False Dmitry I: Project of the Holy War], in *Problemy slavjanovedenija* [Issues of Slavic Studies]. Brjansk, 2017. Pp. 31–62 (in Russian).

Judin P. *Posol'stvo Mariny k shahu Abbasu* [Embassy of Marina to Shah Abbas], in *Russkaja starina*. 1914. No. 12. Pp. 626–632 (in Russian).

A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVIIth and XVIIIth centuries. Vol. 1. London: Eyre and Spottiswoode, 1939. 814 p.

Blow D. Shah Abbas. The Ruthless King Who Became an Iranian Legend. London: I.B. Tauris, 2009. 256 p.

History of Shah `Abbas the Great (Tārīk-e `Ālamārā-ye `Abbāsī) by Eskandar Beg *Matthee R. Gouvea*, Antonio De. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/gouvea-antonio-de> (accessed 04 April 2021).

Sefat Gol M., Taghiabad S.M.H. From Attempts to Form a Coalition to Worsened Relations: Transformation in Iran and Russia Relations in the Seventeenth Century, in *Central Eurasia Studies*. 2020. Vol. 13. Issue 1. Pp. 91–116.

Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persią Safawidow I katolikosatem w Eczmiadzynie w swietle dokumentow archiwalnych. Warszawa: Wydawnictwo AGAD, 2017. 402 s.

Barāziš A.H. Ravābiṭ-i siyāsī-dīplumātīk-i Īrān va djahān dar 'ahd-i Šafaviya. Tihrān: Mu'assisa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr, 1392. 1296 š. (in Persian).

Djamāl Zāda S.M.'A. Tārīkh-i ravābiṭ-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i 'Alī Dihbāšī. Tihrān: Sukhan, 1384. 249 š. (in Persian).

Falsafī N. Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Djild-i duvvum. Tihrān: Mu’assisa-yi intišārāt-i Nigāh, 1391. 722 ş. (in Persian).

Mu’izzī N.Ĥ. Tārīkh-i ravābiṭ-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. Djild-i avval Tihrān: Čāpkhāna-yi ‘ilmī, 1324. 341 ş. (in Persian).

Navāī ‘A. Īrān va jahān az Muġūl tā Ḳājārīya. Tihrān: Mu’assisa-yi naşr-i Humā, 1364. 664 ş. (in Persian).

Статья принята к публикации 05.11.2021